

АНИТА РЭЙ

*Некоторые
люди остаются
даже там,
где их нет...*

Иногда тишина
говорит больше,
чем тысячи слов...

Le parole
salvano
sempre

Недописанные нами страницы

Роман о тех, кого мы создаем, и тех, кто создает нас

Анита Рэй

Недописанные нами страницы

<https://litres.ru/74439727>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда герои начинают говорить сами, а автор теряет контроль над сюжетом, реальность становится зыбкой.

Доктор Деметрио знает каждый уголок своего городка и каждую историю своих маленьких пациентов. Его жизнь — размеренный ритуал, в котором нет места чудесам. Но однажды он встречает девочку, которая молчит, и в этой тишине начинает звучать то, что невозможно объяснить медициной.

Писательница Энни пишет роман, чтобы спасти себя от прошлого. Но ее герой не хочет подчиняться замыслу. Он требует иного финала. И когда граница между вымыслом и реальностью стирается, Энни предстоит сделать выбор: остаться в мире, который она создала, или вернуться в тот, от которого убегала.

Это история о том, как слова обретают плоть, а любовь становится единственным возможным безумием. Но заканчивается ли история, когда мы закрываем книгу?

Содержание

Начало	4
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Недописанные нами страницы

Начало

Этот роман Я хочу посвятить самой лучшей девушке на свете. Если ты это читаешь, то знай: каждую строку этого романа я писал, думая о тебе.

Долина, которая ещё не спит

1

Городок назывался Сан-Лоренцо-аль-Траминьо, но все звали его просто Сан-Лоренцо. Он лепился к склону холма, как гнездо ласточки, - черепичные крыши, узкие улочки, каменные стены, увитые плющом. Летом здесь пахло нагретой пылью и базиликом, зимой - сырым камнем и дымом каштановых дров. Море было далеко, и потому туристы сюда почти не заезжали. Только те, кто заблудился по дороге на юг. Деметрио любил этот городок с той спокойной, почти стыдливой нежностью, с какой любят старых друзей. Он знал каждую выбоину на мостовой, каждую кошку, спящую на солнце, каждый звон колокола в церкви Святой Маргариты. Знал, что у булочника Паоло лучший хлеб - с хрустящей корочкой и мягкой, чуть кисловатой серединой. Что у аптекарши Розы есть привычка поправлять очки, когда она лжёт. Что старик

Этторе, сидящий на площади с газетой, уже три года читает одну и ту же страницу - потому что на самом деле он слепнет, но не хочет признаваться.

Деметрио знал всё это не потому, что был любопытным. Просто он умел смотреть. Каждое утро он просыпался без будильника, в шесть сорок. Открывал ставни, вдыхал воздух - прохладный, с примесью тумана с долины. Потом шёл на кухню, варил кофе в старой медной турке, которую привёз из Неаполя ещё его отец, и садился к окну. В эти минуты город принадлежал только ему.

В семь пятнадцать он выходил из дома. Дорога до больницы занимала двенадцать минут, если идти через площадь, и девять, если спускаться по лестнице за старой оливой. Деметрио выбирал лестницу - не потому что спешил, а потому что любил этот спуск. Узкий, тенистый, с каменными ступенями, отполированными сотнями ног. Внизу, за поворотом, открывался вид на долину: виноградники, кипарисы, вдалеке - сизая полоска утреннего тумана.

Иногда он останавливался на минуту, просто чтобы посмотреть. Ему казалось, что такая красота требует уважения. Как музыка, которую нельзя слушать на бегу.

2

Больница была маленькая, но не бедная. Её построили в конце девятнадцатого века, и с тех пор она разрослась пристройками, но сохранила своё лицо: жёлтые стены, белые

ставни, клумбы с астрами у входа. Внутри пахло хлоркой и сушёной лавандой - сёстры раскладывали её по полкам, чтобы перебить больничный запах.

Деметрио работал здесь уже пятый год. Педиатрическое отделение было на втором этаже, и он знал каждый его звук: как скрипит дверь в ординаторскую, как шумит кран в процедурной, как в третьей палате по ночам тихо гудит обогреватель.

Дети любили его. Это было очевидно всем. Но мало кто понимал, почему. А он сам объяснял просто: он не врал им. Никогда. Даже когда было страшно.

- Тебе будет немножко больно, - говорил он семилетнему Пьетро перед уколом. - Но я буду держать тебя за руку, и это пройдёт быстрее.

Пьетро кивал, сжимал его пальцы и зажмуривался. Через минуту он уже смеялся - потому что Деметрио успевал рассказать историю о мальчике, который поймал молнию в стеклянную банку и носил её в кармане, чтобы согреть маму в холодные вечера.

Истории были его вторым даром. Они рождались сами, по пути, из ничего - из случайного слова, из цвета неба, из кашля за стеной. Деметрио не записывал их. Он их проживал вместе с детьми.

А вечерами, вернувшись домой, он писал.

Его роман назывался «Дорога в Сан-Бенедетто». Это была история о мужчине, который однажды сел в поезд и не

смог выйти. Деметрио переписывал её уже четвёртый год. Ему некуда было спешить. Он знал, что когда-нибудь найдёт нужные слова.

3

Тот день, с которого всё изменилось, начался как любой другой.

Утром он принял троих пациентов. Маленькая Матильда с бронхитом уже дышала легче, и её мать чуть не плакала от облегчения. Лука принёс ему рисунок: кривой домик, жёлтое солнце и человек в белом халате с улыбкой до ушей.

- Это вы, - сказал Лука. - А это я. Мы сидим на траве и едим арбуз.

Деметрио смотрел на рисунок так, будто это был, по меньшей мере, набросок да Винчи.

- Это лучший портрет, который я видел, - сказал он серьёзно. - Ты позволишь мне повесить его в ординаторской?

Лука просиял. После обеда он сидел во дворе под оливой. Было жарко, но ветер приносил прохладу с гор. Он ел хлеб с сыром, запивал водой и смотрел, как сестра Мариэлла разговаривает с матерью новорождённой. Они смеялись. Мать качала коляску. Где-то лаяла собака.

Деметрио подумал, что это и есть счастье.

Не то, о котором пишут в книгах. А вот это: тень оливы, хлеб, ветер, чужой смех. Тихое, незаметное, обычное. Но настоящее.

Потом была Алессия.

Он зашёл в палату в четвёртый раз за день. Девочка сидела на кровати, прижав колени к груди. Она не говорила со вчерашнего дня, но смотрела на него - и в этом взгляде было что-то, от чего у Деметрио сжалось сердце.

- Я принёс тебе ещё одну историю, - сказал он, садясь на стул рядом.

Алессия не ответила, но подвинулась, освобождая место рядом.

- Она о маленькой девочке, которая умела разговаривать с ветром. Но однажды ветер унёс её голос, и ей пришлось идти через три долины, чтобы вернуть его.

Он говорил тихо, размеренно. Алессия слушала. Её мать стояла у окна и смотрела на них с благодарностью и страхом.

- Первая долина была долиной Тишины, - продолжал Деметрио. - Там не пели птицы, не шелестели листья. Даже река текла без звука. Девочка испугалась, но пошла дальше, потому что знала: голос - это не звук. Голос - это то, что внутри.

Алессия моргнула.

- Вторая долина была долиной Эха. Там каждое слово, даже самое тихое, повторялось тысячу раз, пока не сводило с ума. Девочка закрыла уши руками, но эхо проникало сквозь ладони. И тогда она поняла: чтобы идти дальше, нужно перестать слушать то, что было.

Он замолчал. Алессия смотрела на него, не отрываясь.

- А третья? - прошептала она. Первое слово за два дня.

- Третья, - сказал Деметрио, - самая страшная. Долина За-

бытых Имён. Он хотел продолжить, но в этот момент в палату вошла медсестра. Алессия вздрогнула и снова замкнулась.

- Я расскажу завтра, - пообещал Деметрио.
- Если захочешь.

Она не ответила, но он знал: захочет.

4

Вечером он возвращался домой через площадь. Солнце садилось за холмом, окрашивая небо в сиреневый и золотой. Старик Этторе сидел на своём месте, но газета лежала у него на коленях. Он смотрел в никуда и улыбался. Деметрио кивнул ему, хотя знал, что тот, возможно, не видит.

Воздух был густой, как вино. Деметрио думал о девочке, которая шла через три долины, чтобы вернуть свой голос. Он не знал, что будет в конце. Но чувствовал: третья долина требует жертвы.

Дома, сняв часы и положив их на стол Деметрио долго стоял у окна, глядя, как долина погружается в сумерки. Потом сел писать.

Сцена не шла. Перечитав последний абзац, он подумал, зачеркнул пару строк. Герой снова упирался в стену. Это было знакомое чувство - как будто идёшь по туннелю и не видишь выхода.

Деметрио не злился. Он знал: выход есть. Просто сегодня не время.

Закрыв ноутбук. Налил стакан воды. Постоял у окна ещё

немного. Где-то внизу, на площади, зажглись фонари. Тёплый жёлтый свет лёг на каменные стены, как одеяло. Деметрио лёг спать с мыслью о том, что завтра расскажет Алессии третью долину. И о том, что нужно купить у Паоло хлеб - вчерашний уже зачерствел.

Он заснул быстро, без сновидений. Ночь была тёплой и тихой, как дыхание спящего ребёнка.

Дождь, знающий всё

1

Утро началось с дождя.

Он был не сильный, но настойчивый - мелкая, почти невидимая морось, которая оседала на лице и заставляла каменные стены блестеть, будто их покрыли лаком. Деметрио стоял у окна, пил кофе и смотрел, как по стеклу сползают капли. В такую погоду Сан-Лоренцо казался другим: притихшим, задумчивым, как человек, который не хочет разговаривать.

Он вышел из дома на пять минут позже обычного. Лестница за старой оливой была скользкой, и он спускался осторожно, держась за перила. В долине лежал туман - густой, молочный, он поднимался от виноградников и плыл между кипарисами, как беззвучная река.

Деметрио подумал, что это красиво. Но что-то в этом тумане было не так. Слишком плотный. Слишком тихий. Будто долина накрылась одеялом и не хочет, чтобы её видели.

Он отогнал эту мысль и пошёл дальше.

В больнице пахло сильнее обычного. Лаванда не спасала. Кто-то пролил антисептик в коридоре, и запах висел в воздухе, резкий, как нашатырь. Медсестра Мариэлла встретила его у ординаторской с извиняющейся улыбкой.

- Паоло из четвёртой палаты разбил банку с раствором, - объяснила она. - Мы проветривали, но всё равно...

- Ничего, - сказал Деметрио. - Зато дышится бодро.

Мариэлла улыбнулась, но как-то натянуто. Он заметил, но не придавал значения. Утренний обход шёл обычно. Матильда капризничала, не хотела пить лекарство, но после истории о девочке, которая превращала горькое в сладкое силой воображения, согласилась. Лука, уже почти здоровый, бегал по коридору в носочках, пока мать не поймала его за руку. Деметрио пожурил его шутливо, но внутри порадовался: энергия вернулась.

Потом был приём в амбулаторном крыле. Молодая мать с младенцем, у которого резались зубы. Пятилетний Марко с укусом пчелы. Девятилетняя Джулия, которая упала с качелей и боялась, что у неё в голове что-то сломалось.

- Голова цела, - заверил её Деметрио после осмотра. - А вот причёска пострадала. Но это поправимо.

Джулия улыбнулась, но тут же нахмурилась.

- А вы правда доктор или волшебник?

- Я доктор, - сказал он. - Но иногда это одно и то же.

После обеда дождь прекратился. Небо прояснело, и на город легло бледное, словно выстиранное солнце. Деметрио вышел во двор. Земля пахла мокрой травой и чем-то сладким, как перезревший инжир. Он сел на скамейку под оливой, но не стал есть.

Просто сидел и смотрел, как ветер шевелит листья.

Ему было беспокойно.

Это чувство появилось утром, ещё у окна, и с тех пор не уходило. Не страх. Не тревога. Скорее - предчувствие, тонкое, как звон в ушах, который слышишь, только когда молчишь.

Он встал и пошёл к Алессии.

3

Девочка сидела в той же позе, что и вчера: колени прижаты к груди, подбородок упирается в них. Она смотрела в окно, за которым мокрый двор блестел под солнцем.

- Дождь закончился, - сказал Деметрио, садясь рядом.

Алессия перевела на него взгляд. Под глазами у неё были тени - синеватые, как синяки. Он заметил это и нахмурился.

- Ты спала?

Она качнула головой.

- Не хотела.

- Почему?

- Боялась, что вы не придёте.

У Деметрио сжалось что-то внутри. Он не подал виду.

- Я всегда прихожу, - сказал он. - Это моя работа.

Алессия посмотрела на него долгим взглядом, слишком взрослым для четырёх лет.

- Это не работа, - сказала она. - Вы просто добрый.

Он не нашёл, что ответить.

Потом он начал рассказывать. Третья долина. Долина Забытых Имен.

- Это было место, где не было ни дорог, ни троп. Только трава, высокая, до пояса, и туман, который никогда не поднимался. Девочка шла через долину и чувствовала, что забывает слова. Сначала имя мамы. Потом - название родного города. Потом - собственное имя. Она знала, что если забудет его, то не вернётся. Поэтому повторяла его про себя, как молитву.

Деметрио говорил медленно. Алессия слушала, подавшись вперёд. Её губы шевелились, будто она повторяла за ним.

- Но чем дальше она шла, тем труднее было помнить. И тогда она поняла: чтобы дойти, нужно отдать что-то. Не взять, а отдать. Она остановилась посреди тумана и произнесла своё имя вслух. Громко. В последний раз. И оно осталось в долине.

Алессия вздрогнула.

- И что случилось дальше?

Деметрио открыл рот - и замер.

Он не знал.

Нет, он знал, что будет дальше. Но слова не шли. Будто что-то мешало - невидимая стена между мыслью и языком. Он вдруг испугался, что скажет не то. Что финал окажется невыносимым. Для неё. Для него.

- Доктор? - тихо позвала Алессия.

Он моргнул.

В этот момент в дверь заглянула медсестра.

- Деметрио, срочно. Пятая палата. Мальчик с приступом.

Он встал так резко, что стул отъехал назад.

- Я вернусь, - сказал он Алессии. - Обещаю.

Она кивнула. Но в глазах её было что-то, чего он не успел разглядеть.

4

Приступ у мальчика удалось снять быстро. Но потом Деметрио задержали:

консультация, анализы, тревожная мать, которой нужно было объяснить всё трижды.

Он не заметил, как пролетел час. Потом второй.

Когда он наконец вышел в коридор, было уже темно. Лампы горели тускло, как всегда по вечерам.

Он шёл к палате Алессии и думал о том, как закончит историю. Нет, не так. О том, что скажет ей правду: что финал он ещё не придумал. Что иногда истории сами выбирают, когда им заканчиваться.

Но он не дошел.

Возле палаты стояла толпа. Мать Алессии, две медсестры, дежурный врач. Их лица были бледными, движения - резкими, как у людей, которые пытаются не паниковать.

- Что случилось? - спросил Деметрио, и его голос прозвучал громче, чем нужно.

Мать обернулась. Лицо её было мокрым.

- Ей стало плохо. Очень быстро. Она перестала дышать.

- Когда?

- Минут двадцать назад.

Деметрио отодвинул медсестру и вошёл в палату.

Алессия лежала на кровати, маленькая, бледная, с синими губами. Вокруг неё хлопотали врачи. Кто-то говорил по рации. Кто-то толкал каталку. Девочку подключали к аппаратам, а она не открывала глаз.

Он стоял и смотрел, как чужие руки делают его работу.

Потом всё смешалось. Белые халаты, команды, звук каблучков по линолеуму. Каталку повезли в реанимацию. Деметрио пошёл рядом.

Он держал Алессию за руку. Маленькую, холодную, безвольную.

- Держись, - шептал он. - Я здесь. Я расскажу. Я расскажу до конца. Слышишь?

Она не слышала.

Её увезли за стеклянные двери. Деметрио остался в коридоре. Один.

Дом встретил его тишиной.

Он не помнил, как шёл. Только мокрые улицы, жёлтые пятна фонарей, скользкие камни. В голове - пустота, гулкая, как колокол, по которому перестали бить.

Он снял часы. Положил на стол. Не стал включать свет. Сел в темноте, глядя в окно. Там, за стеклом, долина спала. Туман снова поднялся, поглотив виноградники и кипарисы. Мир стал бесформенным, как недописанная страница.

Деметрио думал об Алессии.

Он перебирал в памяти каждую минуту их разговоров. Каждое её слово. Каждый взгляд. Он искал причину - и не находил. Девочка была стабильна. Да, слабая, да, тихая. Но не критично. То, что случилось, не имело объяснения. Ни медицинского, ни человеческого.

Он снова и снова возвращался к одному и тому же мгновению: он открывает рот, чтобы продолжить историю, - и не может. Словно кто-то невидимый положил ему руку на грудь и не дал говорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.